

А.В. Гордон

**ПАРАДИГМА КИТАЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
В ПОНЯТИЯХ «ВТОРОЙ МОДЕРНОСТИ»**

Гордон Александр Владимирович – доктор исторических наук,
заведующий сектором Восточной и Юго-Восточной Азии ИНИОН РАН.

Ко времени смерти Мао Цзэдуна (1976) социалистическая модернизация Китая зашла в тупик. Претенциозная установка в кратчайшие сроки «догнать и перегнать» ведущие индустриальные страны, воплотившаяся в курсе «великого скачка» (1958–1961), обернулась небывалым в трехтысячелетней истории китайской государственности голодом, унесшим, по различным подсчетам, от 18 до 30 млн жизней. Политика форсированной сельской индустриализации подорвала силы крестьянства; попытка решения задач модернизации страны усилием политической воли окончилась крахом.

Новая политическая кампания, получившая название «культурной революции» (1966–1976), вылилась в столь же небывалое в истории страны разрушение культурных ценностей, породив обстановку социального хаоса и «войну всех против всех». Сначала молодые энтузиасты, вдохновленные призывом Кормчего вести «огонь по штабам», объявив себя «красногвардейцами» (хунвэйбинами), громили институты партийно-государственного истеблишмента и издевались над функционерами; затем армия разгромила штабы «культурных революционеров» и отправила их самих на «перевоспитание» в голодающую деревню. Многие из них, вернувшись после смерти Мао в города, стали активистами демократического движения 80-х годов.

«Культурная революция» завершилась ликвидацией ее вождей: при загадочных обстоятельствах погиб ближайший сподвижник Мао маршал Линь Бяо, вслед за ним была репрессирована «банда четырех» во главе с Цзян Цин, женой Кормчего. Попытка Мао и его ближайшего окружения углубить социалистическую революцию, реализовав альтернативу этатистско-бюрократической модернизации советского образца, провалилась. А вместе

с ней потерпел неудачу уникальный цивилизационный проект, совместивший идеи «догоняющей» модернизации и фундаментальной контрмодернизации.

Маоизм явился продолжением и радикальной трансформацией курса на «самоусиление», что проводился в Китае после поражения в «опиумных войнах» XIX в. Национальное унижение сделалось неизжитой до сих пор травмой, которая, в свою очередь, породила стремление к восстановлению величия Поднебесной посредством усвоения достижений Запада. В научно-технической области и на путях промышленного роста, а также с точки зрения государственной консолидации и повышения обороноспособности за 1949–1976 гг. произошел впечатляющий сдвиг. Китай сделался мощной индустриально-аграрной, в высокой степени милитаризованной державой, бросившей вызов и США, и СССР и ставшей серьезной угрозой для ближайших соседей.

Следуя западной (и сталинской) модели модернизации, КПК проводила индустриализацию за счет перекачки средств из аграрной экономики. В духовной сфере присущая западной модели секуляризация была доведена (как и в СССР) до крайностей «войны с религией». Основанные на классической дихотомии «традиционного» и «современного» культурные преобразования обернулись политикой искоренения классического наследия, отождествленного с «феодализмом».

Как контрмодернизация маоизм означал радикальное отрицание частной собственности на путях предельного обобществления не только в сфере производства, но и потребления; товарно-денежные отношения и в городе, и в деревне замещались государственно-распределительной системой. Монополия КПК на власть упразднила и разделение властей, и состязательную выборность. Идея правового государства подменялась учением о классовой борьбе и приоритетом революционной законности. Наконец, принципы представительства уступили место «линии масс», которая подразумевала их непосредственное волеизъявление посредством, главным образом, политических кампаний, следовавших одна за другой.

Практика, которая по всем марксистским понятиям признается критерием истины, подвела историческую черту маоистской модернизации. Методы Мао, эффективные в условиях войны и революции, обернулись катастрофическими последствиями при решении проблем социально-экономического и культурного развития. Примечательно, что выявилось это прежде всего в аграрной сфере. Многострадальная китайская деревня, явившаяся социальной базой КПК в антияпонской и гражданской войнах, а затем ставшая объектом самого масштабного в истории человечества революционно-коммунистического эксперимента, вынесла свой приговор маоизму.

«Контрреволюция» началась с обездоленной провинции Аньхой, в которой во время «великого скачка» погибли от голода 2 млн жителей [8, с. 688].

В июне 1977 г., когда даже у будущего идеолога реформ Дэн Сяопина (вернувшегося в это время к руководству) еще не обозначилось их проекта, в провинцию был назначен новый партсекретарь. Товарищ Вань Ли увидел признаки надвигавшегося голода и выпросил у начальства в Пекине – в порядке чрезвычайной меры – разрешение на возврат к традиционному для крестьян семейному хозяйствованию. Спустя год пленум ЦК КПК принимает решение о начале реформ, и за пару лет система народных коммун, подменившая полноценную аграрную модернизацию примитивным уравнильством и тотальным обобществлением, разлетелась на кусочки [2, с. 83–100].

Курс реформ требовал идейно-теоретического обоснования. Знаменательно, что в ходе дискуссий обществоведов КНР в 80-х годах модернизация не только вышла на первое место, но и была осознана как цивилизационное явление «модернизация человека» (Го Цион). Ученые предупреждали: «Если мы модернизируем только науку и технику, а не народ, осуществление модернизации будет всего лишь пустым лозунгом» (Тан Ицзэ). Они протестовали против узкого экономоцентризма: «Реформа экономической структуры требует соответственных изменений духовного состояния людей, характера культуры, социальной психологии» (Гао Чжансянь) [5, с. 50–51].

В последующий период модернизация прошла извилистый путь. Демократические устремления интеллигенции и студенчества были жестоко подавлены в мае 1989 г., однако с осени 1992 г. по инициативе Дэн Сяопина началась интенсивная реализация политики «реформ и открытости» в экономической сфере, открывшая дорогу рынку, частному бизнесу и иностранным инвестициям при сохранении директивного планирования и господстве государственной собственности.

В результате возникла причудливая социетальность, озадачивающая самих ученых КНР: ««Мы ввели социалистическую рыночную экономику, которая дает полный простор действию рыночного механизма, *одновременно* подчеркивая сильную макрорегуляторскую функцию правительства... Мы активно включились в глобализацию и модернизацию. *Однако* мы надеемся, что эта трансформация будет осуществлена под руководством Коммунистической партии Китая, под знаменем китаизированного марксизма и в рамках социализма... Наследуя и развивая замечательные исторические и культурные традиции Китая, мы *в то же время* стремимся быть в авангарде современной цивилизации (курсив мой. – А. Г.)» [13, с. 187–189].

Понятно, совместить столь разнородные элементы крайне непросто; к тому же признается, что функционирование «китаизированного марксизма» отныне «должно осуществляться на основе разума, а не средствами политического принуждения». Чтобы обрести «настоящий социальный консенсус» в таких условиях, необходимо – и понимание этого в общественной жизни КНР все более заметно – «вести диалог» с представителями других идеоло-

гий, обучаясь в рамках этого взаимодействия и «абсорбируя то рациональное, что в них содержится». Итак, создание «духовной основы социализма с китайской спецификой» видится в рамках широких подходов с использованием «инклюзивных методов» [16, с. 176–177], способных сплавить культурную традицию и курс перемен, партийную идеологию и западные теории.

Прежняя классово-революционная парадигма исторического развития, вдохновлявшая коммунистов и их сторонников в гражданской войне и ставшая идейной основой создания Китайской Народной Республики, в новых условиях «рыночного социализма» оказалась непригодна. Она удерживается в регламентированном респекте к «учению Мао», но в научно-теоретическом плане теснится модернизационной парадигмой.

«Начиная с середины 1980-х годов, – пишет исследователь из Техасского университета Ли Хуайинь, – в описании новой истории Китая намечается переход от восхваления восстаний и революций к акцентированию модернизации и реформ в конце правления Цин и в республиканский период (1840–1949)». Выделяется роль элит и восприятия культуры Запада; напротив, восстания и революции видятся «в лучшем случае излишними, а в худшем – контрпродуктивными для развития Китая» [14, с. 337].

Обращение к модернизационной парадигме изменило сам тон историописания. В отличие от либералов республиканского периода и историков-коммунистов, ее приверженцы в КНР ставят в центр дискуссии не то, **как** и **почему** Китай не смог модернизироваться, а то, **что** было достигнуто на этом пути. На смену пессимизму, придававшему китайской истории Нового времени трагический колорит, который отзывался в обществе горечью и разочарованием, равно как героической манере официальной историографии КНР, сводившей китайскую историю к роковой схватке революционных сил добра и контрреволюционного зла, пришел исторический оптимизм: «Новая история Китая была пересказана как медленное, но постоянное движение к модерности... которое, к несчастью, было прервано коммунистической революцией и последующим маоистским радикализмом, но восстановилось после Мао» [14, с. 360].

Модернизационная парадигма оказывает все более заметное влияние на официальную историографию КНР, которая стремится при этом интегрировать в поступательное «движение к модерности» маоистский период. Так во введении к коллективной монографии «Ранняя модернизация в Китае в сравнительной перспективе» (1993) утверждается, что коммунистическая революция сделалась необходимой для «создания централизованной эффективной власти», поскольку последние правители династии Цин и Гоминьдан оказались неспособны к проведению модернизации.

В монографии «Модернизация Китая в исторической перспективе» (1994) коммунистическая революция рассматривается как «кульминация

националистического движения», завершение «создания современной нацигосударства», а успех коммунистов в этом государственном строительстве объясняется, в частности, выдвиганием собственной националистической доктрины (теория «новой демократии»), которая «адаптировала марксизм к китайским социальным и политическим условиям».

Высказывается и противоположное мнение, что приход к власти КПК был не модернизационной революцией, а «самым драматическим эпизодом сугубо традиционнейшего явления смены династии», или, как выразился Сюй Цзилинь, один из авторов «Истории модернизации Китая, 1800–1949» (1995) – «династической революцией».

При всех частных различиях все очевиднее становится смещение приоритетов. В противовес официальной доктрине пробивается мысль, что приход к власти КПК не означает окончательное решение проблем исторического развития Китая. Это «побочный продукт», следствие неудач предшествовавших режимов в государственном строительстве, и это только «средство достичь модернизации, но не собственно цель, каковой является модернизация» [14, с. 353].

Модернизация (*сяньдайхуа*) вошла в дискурс руководства КНР со времени лозунга «четырёх модернизаций» Дэн Сяопина. Отмечая распространённость модернизационной терминологии в подходах к современному развитию Китая, А.В. Виноградов (ИДВ РАН) показал, что своеобразным модернизационным проектом выступает собственно официальная доктрина «социализма с китайской спецификой»¹. Притом парадигма модернизации остаётся в КНР объектом полярных суждений, сделавшись предметом идеологической борьбы между либералами, националистами и «новыми левыми».

Последние, используя официально апробированную терминологию, незамысловато сужают понятия. «Модернизация» трактуется как преобразование крестьянской страны в промышленную державу, а таковое сводится исключительно к индустриализации. Большой вопрос для партийной доктрины об отношении к наследию Мао «новые левые» решают просто: Великий кормчий оказывается отцом современных реформ, а Дэн Сяопин – верным продолжателем модернизационного курса Мао. В то же время отмечается, что Дэн «исправил старые ошибки», перенёс центр стратегии с классовой борьбы на экономическое развитие, с «закрытости» на «открытость» и отвергнув «традиционную социалистическую модель советского образца».

1. См.: Виноградов А.В. *Китайская модернизация в сравнительной перспективе // Comparative politics (Сравнительная политика)*. – М., 2010. – № 1. – С. 105–120. В 2007 г. автор защитил докторскую диссертацию на тему «Китайская модель модернизации: Социально-политические и социокультурные аспекты».

Смыкаясь с националистами, «новые левые» противопоставляют «китайскую модель» «западной»; аргументируя превосходство социалистической модернизации, они используют критику буржуазного общества и капиталистической экономики основоположниками марксизма. Так, Маркс и Энгельс оказываются под пером консервативных толкователей китайских реформ ведущими теоретиками современной модернизации [24, с. 120–124].

Свою лепту в толкование модернизации вносит «китаецентричное» направление (*чжунго сюэтай*). Подчеркивая важность для решения задач модернизации всего китайского наследия (включая историю КНР с 1949 г.), «китаецентристы» сосредоточиваются на опровержении подражательной модернизации. Они отвергают представление, что Китай обречен копировать путь развитых стран. Успех китайских реформ, доказывают «китаецентристы», бросает вызов традиционно-европоцентристскому противопоставлению плана и рынка, демократии и диктатуры, государства и общества.

Кроме понятного желания преодолеть возникший в ходе подражательной модернизации страны комплекс неполноценности и мобилизовать патриотизм народа для продолжения курса реформ, в логике «китаецентристов» выявляется совершенно определенный политический подтекст. Это не просто вариант теоретического обобщения опыта преобразований в постмаоистском Китае, а, как констатирует отечественный китаевед, «политическая доктрина, призванная посредством пропаганды китайской исключительности законсервировать в неизменном виде однопартийную систему власти в КНР» [3, с. 268].

При этом платформа «китаецентристов» глубоко коренится в пробужденном реформами национальном сознании. Главное, как объясняет профессор Пекинского университета Ван Чжунцзян, с началом реформ среди народа «усилилось чувство принадлежности к традиции и истории Китая» [цит. по: 17, с. 93]. Подобно тому, как в Японии прорыв к модерности обернулся стремлением к выявлению национальной идентичности, породив обширную литературу о «японкости» (*нихондзин рон*), в модернизирующемся Китае ширится движение за воскрешение «национального учения» (*госюэ*).

Один за другим открываются колледжи и центры *госюэ* в престижных университетах, возникают альманахи, сайты, блоги, устраиваются летние лагеря и курсы. В центральных газетах, в библиотеках и книжных магазинах теперь есть специальные отделы. Обществу явлены научные авторитеты по *госюэ*. Телевидение транслирует просветительские сериалы, превращающиеся в «мыльные оперы на исторические темы». Ситуация напоминает специалистам первые десятилетия XX в., когда движение культурного обновления, провозгласившее курс на модернизацию по западному образцу, резко обострило проблему национальной идентичности и, манифестируя озабоченность самоутверждением китайской культуры, широко пошла в ход выражения

«национальная живопись», «национальный театр», «национальный язык», «национальная медицина», «национальная одежда», появился и сам термин *госюэ*².

По мнению американского синоведа Арифа Дирлика, на современном этапе движение *госюэ* служит примером того, что отстаивание традиции уже не исключает модернность, а является попыткой выработать альтернативную форму ее. Однако он же признает непродуктивность противопоставления одной традиции другой: китаецентризм оказывается лучшим способом воспроизведения западоецентризма. Требуется, подчеркивает американский синолог, «более глобальная перспектива для сопоставления культур, чем китайско-западная бинарность» [9, с. 6, 12].

А австралийский синолог Джон Мейкхем вообще сомневается, что можно выстроить «альтернативную модернность» на романтическом задоре и «патриархально-националистической эпистемологии (epistemological nativism)», которые характеризуют подобные поиски самобытности [17, с. 104]. Еще в ходе дискуссий 80-х годов идея «возвращения к истокам» и самодовлеющего развития была отвергнута участниками как неконструктивная. Открытость внешним влияниям осознавалась большинством как залог полноценной модернизации.

Более того, отдельными учеными подчеркивалась взаимозависимость между благосостоянием страны и интенсивностью ее внешних связей: «В истории Китая в периоды его наибольшего могущества и расцвета культурный обмен с внешним миром... шел интенсивно и оживленно, и это способствовало развитию производительных сил общества, усилению могущества государства; периоды его ослабления отмечены отгороженностью от внешнего мира, боязнью культурного обмена, что вело к упадку» (Цзи Сяньлинь) [цит. по: 5, с. 65].

Заслуживающей серьезного внимания попыткой совместить национальное самосознание с тем, что А. Дирлик назвал «глобальной перспективой», и выстроить некую общую платформу для распространенных в КНР подходов представляются ежегодные доклады академического Центра по модернизации. Взывая к патриотическим чувствам, авторы в полной мере демонстрируют национальную гордость: «Китай обладает великой историей, древней культурой и уникальными людьми. Ничто в мире не сможет остановить его развитие, принизить мудрость китайского народа, сдержать прорыв китай-

2. Szonyi M. *Ming fever: The Present's Past as the People's Republic turns sixty // China heritage quart.* – 2010, N. 1; Niedenführ M. *Historical revisions and reconstructions in history soaps in China and Japan // Contested views of a common Past: Revisions of history in contemporary East Asia / ed. S. Richter. – Chicago: Chicago univ. press, 2008.*

ских инноваций или ограничить возможности развития страны» [цит. по: 4, с. 81, 231].

При этом вопреки «китаецентристам» центральной в подходе к модернизации становится установка на «открытость», которая переосмысливается в патриотическом духе, оказываясь свидетельством величия Китая и его уверенности в будущем. «Великая нация должна открыто смотреть на мир, а цивилизованная страна – открыть ему свое сердце» [там же, с. 74], – таким эмоциональным обращением начинался первый доклад Китайского центра исследования модернизации.

И создание при Китайской академии наук специального Центра, и ежегодная публикация им с 2001 г. обзорных докладов о «модернизации в мире и Китае», казалось бы, свидетельствуют о торжестве модернизационной парадигмы в КНР. Все же неслучайно авторы избрали стилистику долженствования, чтобы обосновать необходимость изучения истории и теории модернизации: их защита «открытости миру» носит в немалой мере полемический характер.

Проявляя мировоззренческую открытость, китайские авторы стремятся обосновать особенности современного развития КНР новейшими концепциями модернизации. Наиболее адекватными признаются концепция «множества модерностей (multiple modernities)» израильского ученого Шмуэля Эйзенштадта [10, с. 1–29] и комплекс концептов западноевропейской социологии («рефлексивная модернизация», «текучая» или «пролонгированная» модернизация, «общество риска»), объединяемых общим понятием «вторая модерность (second modernity)» и связываемых с именами Ульриха Бека (ФРГ), Энтони Гидденса и Зигмунта Баумана (Великобритания) [1; 7; 11; 23] а также с идеями «мультикультурной» модерности Алена Турена и Мишеля Вевьёрки (Франция) [19, с. 413–517; 22].

Суть инновации в отказе от классических теорий модернизации / вестернизации, от уподобления современного незападного развивающегося мира образцам развития стран Запада в Новое время, от идей завершенности модернизационного проекта («конец истории») и в принятии постулата непредсказуемости и альтернативности различных вариантов модернизации при их тесном взаимодействии («глобальная модернизация») и сущностном единстве.

Учеными КНР явление «второй модерности» было истолковано двояко: и как поступательный цивилизационный процесс, и как его поворотный момент. Это движение мировой цивилизации, как она начала формироваться в Европе в Новое время, с переходом от одной фазы модернизации к другой, и это – вступление человечества в новое состояние, когда вектор развития определяется конкурентной борьбой различных цивилизационных подходов и систем ценностей.

Согласно теории «вторичной модернизации», основные положения которой ее автор, руководитель академического Центра по модернизации Хэ Чуаньци впервые опубликовал в 1998 г., мировой модернизационный процесс распадается на две фазы: «первичная» – связана с индустриальной эрой, «вторичная» – с информационной, или эрой знаний. Хэ относит свою теорию к «постмодернизационным», пришедшим на смену классическим теориям модернизации. Последние исчерпали свое познавательное значение, считает он, после того, как промышленные страны завершили в 60-х годах XX в. «классическую модернизацию» и выяснилось, что индустриальная экономика – «не конечная точка и не кульминация мирового экономического развития», а индустриальное общество – «не конечная точка развития человеческого общества». В явлениях деиндустриализации и дезурбанизации эволюция развитых стран продемонстрировала преодоление «рамки индустриальной цивилизации» [4, с. 51].

Теория Хэ Чуаньци ориентирована на специфику развивающихся стран, поскольку та выражается в совмещении «первичной» и «вторичной» модернизации. Мысль китайского теоретика обращена к сложности такого совмещения: две фазы модернизации, будучи тесно связанными, «подчиняются разным законам и обладают различными чертами». По большому счету «первичная модернизация» закладывает основу для «вторичной», например индустриализация на первой фазе обеспечивает успех информатизации и глобализации как отличительных черт второй фазы, или общее начальное образование на первой фазе служит ступенью для перехода к всеобщему высшему образованию на второй.

В других случаях отмечается не просто несоответствие, но и столкновение противоположных тенденций – например концентрации производства и децентрализации мировой экономики. При проведении «первичной» модернизации целью экономического роста является удовлетворение насущных материальных потребностей населения и достижение экономической безопасности страны. При «вторичной» – упор делается на повышение качества жизни с «целью удовлетворения потребности людей в счастье и самовыражении». В ходе «первичной» модернизации экономическое развитие выступает основным приоритетом, от чего страдает экология; в ходе «вторичной» задачи экономического роста и потребности сохранения среды обитания уравновешиваются, что приносит пользу и экономике, и экологии [4, с. 38, 95].

По мнению российских специалистов, значение теории Хэ Чуаньци не исчерпывается опытом реформ в КНР и перспективы ее применения актуальны не только для развивающихся стран. Ссылаясь на теоретические разработки ученых КНР, Н.И. Лапин и Г.А. Тосунян утверждают, что и в России важно различать две стадии модернизации, а также ее динамику в разных по экономическому и социокультурному уровню регионах. «Требуются большие

скоординированные усилия, направленные одновременно на скорейшее *завершение* первичной и *развитие* вторичной модернизации», – пишут они во введении к публикации в России «Обзорного доклада о модернизации в мире и Китае», подчеркивая, что «вторичная модернизация не может успешно развиваться без завершения первичной», а дальнейший прогресс развития России невозможен «без значительного повышения качества рабочих мест, улучшения благосостояния и здоровья населения, обеспечивающего рост продолжительности жизни» [4, с. 11].

Центр по модернизации в структуре Китайской академии наук своей теоретический подход выдвигает в качестве обоснования на среднесрочную перспективу (полвека) стратегии «*интегрированной модернизации*»³: за 50 лет «упорной работой» Китаю «удалось перейти от традиционного аграрного общества к индустриальному и вступить в фазу первичной модернизации»; требуется завершить ее и одновременно «в максимально сжатые сроки» осуществить «вторичную» модернизацию. В связи с этим у Китая возникает уникальный шанс – вырваться вперед именно посредством достижений в информатизации и сфере знаний. Уже сейчас, подсчитали сотрудники Центра, «если основываться на индексе вторичной модернизации», уровень развития КНР по сравнению с другими странами выше, чем «если делать сравнение по степени завершенности первичной» [там же, с. 98].

Китайских теоретиков модернизации воодушевляет именно идея «вырваться в лидеры» мирового развития, возглавить цивилизационный процесс в эпоху «второй модерности». Такую заманчивую перспективу они «вычитывают» в той цивилизационной критике, которой предаются европейские теоретики «второй модерности». Поскольку цивилизационный потенциал «первой модерности», концептуализованный в фундаментальном проекте поступательного и прямолинейного всемирно-исторического прогресса, который был выдвинут Просвещением, представляется исчерпанным, духовный вакуум должен быть заполнен новыми проектами. Ученые КНР предлагают обратиться к потенциалу, который явлен современной мощью Китая и его культурным наследием.

Для обоснования возвышения Китая им приходится размежеваться с тем эволюционизмом, что был присущ классической парадигме. В духе парадигматической инновации теорий «второй модерности» они трактуют современную ситуацию как новую ипостась цивилизационного процесса, когда возрастают риски развития для всего человечества и все страны оказываются уязвимыми перед этими опасностями. В условиях фундаментальной непред-

3. Это положение считают особенно важным и российские специалисты, высказываясь за «интегрированную модернизацию России» как «координацию путей и результатов двух стадий модернизации» [4, с. 11].

сказуемости прежняя иерархия мирового порядка может претерпеть радикальную трансформацию.

«Вторая модерність» предстает перед глазами китайских теоретиков модернизации полем битвы, которая называется «межстрановой конкуренцией»: из 10 млрд будущего населения развивающихся стран только 500 млн, по их расчетам, получат «возможность насладиться благами модернизации» [4, с. 234, 249]. Модернизационный процесс в таких условиях становится отчаянной гонкой за лидером, в которой и статус нынешних лидеров отнюдь не гарантирован. Часть развитых стран может оказаться в положении развивающихся, и, наоборот, некоторые из числа последних могут выбиться в лидеры.

Поскольку именно авангарду достаются в полной мере блага модернизации, межстрановая конкуренция в эпоху «второй модерности» будет только возрастать. Это «международное соревнование в стремлении достичь и удержать высокий по мировым меркам уровень развития» [там же, с. 15]. В этом соревновательном процессе в полной мере выражается нелинейная логика всемирной модернизации, неравномерность темпов, «асинхронность» ее осуществления и неодинаковость результатов. Решающей становится роль исторического субъекта.

Хотя модернизация является всемирно-историческим процессом, в основе которого заключены универсальные и объективные закономерности, успешная их реализация, подчеркивают авторы докладов о модернизации, зависит от качеств и воли конкретного национального субъекта. Субъектный подход выдвигает на первый план задачу модернизации культуры.

Эта проблема затрагивает все сферы общественной жизни, и ее значение воспринимается в Китае на самом высоком уровне как в конечном счете задача укрепления режима власти. Журнал ЦК КПК «Хунци» писал: «Пробуждение нации есть прежде всего пробуждение ее культуры. Власть политической партии определяется в большой мере ее культурной зрелостью» [см.: 16, с. 172]. И это острая проблема, которая не имеет однозначного решения.

С одной стороны, следует заботиться об уникальном культурном наследии страны. Эта задача приобретает еще большее значение в условиях глобализации, которая требует глубокого осознания национальной идентичности. С другой стороны, неукоснительная и безоглядная верность многовековым традициям может превратиться в тормоз. Современная культурная стратегия КНР требует диалектического подхода: это «частичное унаследование и развитие традиционной культуры» при «частичном отказе от нее» [4, с. 201, 214].

Как подчеркивают сотрудники Центра модернизации, культурная модернизация, подобно модернизационным процессам в экономике, немислима без инноваций. И культурным инновациям в современном Китае должен быть

отдан приоритет, аналогично тому, как было в фазе «первичной модернизации», когда промышленной революции XIX в. предшествовали в XVII в. научная революция и в XVIII в. Просвещение, положившее начало всемирно-историческим процессам духовной эмансипации, которые и сформировали цивилизацию модерности.

Культурная модернизация имеет специфическое значение при присущем китайским авторам толкованию «второй модерности» как всемирного соревновательного процесса. Собственно культурная модернизация может в таком аспекте выступать даже разновидностью экономической конкуренции: «Как товары, произведения культуры могут быть произведены и проданы на рынке с целью получения прибыли». Таким образом, культурные инновации могут стимулироваться конкуренцией на мировых рынках [4, с. 198–199].

Развивая своеобразный рыночный подход к модернизации в сфере культуры, китайские специалисты приходят к знаменательному выводу: «культурная конкурентоспособность постепенно становится главной конкурирующей силой страны», иначе – важнейшим козырем в международном соперничестве [там же, с. 201]. Так в теоретическом плане подкрепляется одно из фундаментальных положений внешнеполитической доктрины КНР о роли «мягкой силы» в укреплении международного престижа страны и повышении ее статуса [12].

Поэтому, когда мы читаем о модернизационном значении международного культурного сотрудничества, следует учитывать, что в представлении китайских ученых Китай может в будущем, как было в прошлом, претендовать на лидерство во взаимодействии культур: «Мы должны явить миру наши духовные ценности, принять деятельное участие в формировании мировой системы ценностей и создать необходимые условия, чтобы *направлять развитие в системе мировых ценностей* (курсив мой. – А. Г.)» [13, с. 194].

Если в XXI в. «удастся достигнуть культурной модернизации, китайская культура вернет себе доминирующее положение в мире и внесет неопределимый вклад в прогресс цивилизации», – таковы амбициозные замыслы теоретиков китайских преобразований [4, с. 216]. Обосновывая эту культурную стратегию, президент Педагогического университета провинции Цзянсу Жэнь Пин подчеркивает: «Современная эпоха является временем перехода от промышленной экономики к экономике знаний. Теперь господство над миром вместо прежнего баланса экспорта товаров и капитала в сочетании с военной силой переходит – и последний финансовый кризис это ярко показал – к достижениям в науке и технике, информатике и культуре в сочетании с военной силой. Китай должен бросить вызов биполярной глобальной системе “капитал знаний vs промышленное производство” и перейти в наступление в сфере интеллектуального производства» [18, с. 153].

Однако модальность фразы тоже обращает на себя внимание. Чтобы Китаю вырваться в мировые лидеры, зарубежные инвестиции в сферу культуры столь же необходимы, как и в экономику. В период «реформ и открытости» были предприняты, отмечают китайские авторы, беспримерные усилия по переводам западной научной классики и современной литературы, критическое освоение которой позволило ученым КНР, в свою очередь, стать полноценными партнерами в международном научном сотрудничестве.

Культурная модернизация – это «процесс международного культурного взаимодействия, включающего в себя международное сотрудничество, обмен, конкуренцию и конфликты. Нет такой страны, которая не впитала бы в себя элементы культуры других стран в ходе культурной модернизации, и ни одна страна не должна отвергать международный культурный обмен и сотрудничество в ходе модернизации», – таков один из основополагающих постулатов модернизационной парадигмы ученых КНР [4, с. 200].

Не менее важен другой: «Нет такого удачного примера осуществления культурной модернизации, который можно скопировать». Ведущие страны дают пример для обучения, но не для подражания. Модернизация принимает разные формы, осуществляется по «разным моделям и в разных режимах». Требования культурной модернизации можно унифицировать, поскольку цель одна. Но идут к этой цели разными путями [там же].

Выбор страной своего пути в значительной мере обусловлен ее культурным наследием, значение которого видится исключительно многообразным – это не только обеспечение национальной идентичности, но и «источник культурных инноваций», основа «культурной индустрии» и, наконец – «составляющая культурной конкурентоспособности и влияния». Так, теоретики модернизации КНР уходят от классической дихотомии «традиционного» и «современного» и решительно порывают с наследием «культурной революции».

Культура каждой страны и народа уникальна и, «с позиций международных законов и гуманизма, каждый тип культуры равен всем остальным и имеет равные шансы на сохранение и развитие». Одним словом, китайские авторы за сохранение культурного многообразия мира. И это всецело соответствует идеям «мультикультурности», сопутствующим теоретическим концептам «второй модерности».

Вместе с тем отношение китайских теоретиков модернизации к культурному гегемонизму можно признать амбивалентным: некое их дистанцирование от того, что называется «международными законами» и требованиями гуманизма, весьма симптоматично. И это отражает отношение к гегемонизму вообще. Вопреки спорадически звучащим широковещательным деклара-

циям⁴, наследию времен маоизма, китайские позиции в общем представляются прагматичными, а критика тех или иных держав, в первую очередь США, избирательной. В политических и научных кругах отдают себе отчет в том, что на более мощные державы ложится большая доля ответственности за поддержание порядка и стабильности в мире.

На передний план выдвигается вопрос не об обладании государством большей властью в международных отношениях, а о том, злоупотребляет ею или нет. В отдельных работах «властная гегемония» дифференцируется от «институциональной гегемонии», разделяется гегемония как «превосходство» и как «лидерство». В обоих случаях США отводится позитивная роль лидера, в частности в установлении системы свободной международной торговли, бенефициарием которой является Китай [20]. Если критицизм в отношении действий США нарастает, то это обуславливается главным образом негативными тенденциями в международной системе, поскольку те проявились в мировом финансовом кризисе и росте терроризма.

Китайские теоретики модернизации против навязывания каких-либо моделей общественного устройства своей стране, но совершенно определенно отстаивают особую роль Китая в мировом цивилизационном процессе. Разные культуры, утверждает в докладах Центра по модернизации, имеют «разную конкурентоспособность» и не равноценны с точки зрения перспектив межкультурного взаимодействия и вклада в мировую цивилизацию. Под этот тезис выстраивается иерархическая модель жизнеспособности и влияния: «центральными становятся несколько крупных культур», влияние других слабеет, а часть культур «постепенно затухает», превращаясь в культурное наследие, элементы которого «становятся лишь товаром на рынке». Некоторые вовсе «отмирают», не получив развития, защиты или поддержки [4, с. 195, 214].

Замечательная инновация китайских теоретиков – введение в проектируемую ими иерархию идеи ответственности национальных культур перед международным сообществом. Культурная модернизация является всемирно-исторической потребностью и одновременно сознательным выбором различных стран и народов, которые «должны нести ответственность за свой выбор», поскольку развитие национальной культуры – это созидание «духовного дома» всего человечества. Таким образом, культурная модернизация Китая – вклад в общечеловеческую цивилизацию, в обустройство жизни на земле [там же, с. 196, 198].

Вывод авторов – надо желать, надо дерзать. Ни сотрудники исследовательского Центра Китайской академии наук, ни их коллеги из числа привер-

4. В анализируемой научной литературе КНР они нередко становятся объектом критики как непродуктивные с точки зрения внешнеполитических интересов страны.

женцев модернизационной парадигмы в своих оценках и прогнозах современного цивилизационного процесса не теряют чувства реального. Выдвижение Китая в мировые лидеры процесса видится в довольно отдаленной перспективе. Это установка на будущее, но никак не констатация современного положения в мире.

Выдвижение «китайских ценностей», отмечает руководитель отделением философии Хуачжунского университета науки и техники (г. Ухань) Кан Уян, – это следствие и развитие процесса, начавшегося выдвижением на международной арене «американских ценностей». За ними в 1980-х годах последовали «азиатские ценности», которые активно пропагандировал премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю. Упор делался на вертикаль власти и конфуцианскую этику, а реальной основой для их выдвижения были экономические успехи «азиатских тигров» (Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг). Получив изрядную популярность, «азиатские ценности» оказались дискредитированы финансовым кризисом, поразившим страны Юго-Восточной Азии в 1997 г.

В 1990-х годах пришел черед «вашингтонского консенсуса», системы установок, разработанных учеными США для модернизации Латинской Америки (либерализация, приватизация, коммерциализация). Некоторые страны региона добились реального успеха, осуществляя эту программу. Однако постигший Латинскую Америку на рубеже веков финансовый кризис выявил уязвимость установок «вашингтонского консенсуса».

Бурное экономическое развитие КНР поставило перед страной задачу выдвинуть свои ценности как в целях «ценностной интеграции современного китайского общества», так и для формирования ее международного имиджа. Нужно, чтобы в мире услышали «голос» страны. Однако при всей своей экономической мощи Китай «еще бедная страна». Поэтому выдвигая свои ценности на мировую арену, КНР еще не может в полной мере нести груз ответственности, которая ложится на мировую державу. Говорить о «пекинском консенсусе» или «китамерике (chinerica)» преждевременно. «С точки зрения глобальной ответственности Китай следует рассматривать как развивающуюся страну». А потому Китай должен еще настойчивей использовать опыт мирового развития, усваивая и перерабатывая достижения всех цивилизаций [13, с. 185, 190–192].

Эту позицию разделяют преподаватели Университета Сунь Ят-сена (г. Гуаньчжоу) Ли Пин и Лун Байлинь. Несмотря на бурное экономическое развитие, Китай «все еще в духовном отношении относится к слабо развитым странам (spiritually underdeveloped)». Западные державы не признают ценности «социализма с китайской спецификой», считая свои ценности универсальными. В этих условиях было бы роковой ошибкой замкнуться и скатиться к примитивному национализму. Ученые КНР должны вести углубленные

сравнительные исследования, сопоставляя отечественную культуру и культуры других стран мира.

«Только на основе глубокого понимания и нашей собственной культуры, и других культур мы можем утвердить свое место в мультикультурном мире», – заключают авторы. И только «на путях сознательной взаимной межкультурной адаптации можно извлечь преимущества, которые содержит каждая из культур, чтобы установить общепризнанный порядок» и систему ценностей, что станет основой «мирного сосуществования и совместного развития» [16, с. 179–180].

Несмотря на различные упрощения и патриотическую патетику, в целом картина модернизационного процесса выглядит у китайских обществоведов весьма непростой, а сам процесс – многомерным. Не случайно авторы докладов о «модернизации в мире и Китае» призывают «избегать линейного мышления», столь характерного не только для классических теорий модернизации, но и для тех моделей модернизации, которые по-прежнему имеют распространение в КНР как среди «новых левых» сторонников социалистического пути, так и среди либеральных поборников вестернизации.

«Модернизация происходит не раз и навсегда», и культурная тоже «является частично обратимой и при определенных условиях может пойти вспять», – предупреждают китайские ученые. Драма «культурной революции» еще слишком свежа в памяти, и синдром «анаконды на люстре», страха перед репрессиями отнюдь не изжит [15].

«Мы не закончили процесс модернизации, и мы далеки от полного утверждения современного способа развития. Наши научные сообщества в значительной степени подвергаются наступлению и со стороны административной власти, и со стороны власти капитала, что приводит к двойному искажению их развития... Нужно выстроить здоровое взаимодействие между логикой власти и логикой науки», – подчеркивает профессор Университета г. Сучжоу (провинция Цзянсу) Ван Чжоуцзюнь [21, с. 167].

Успешное осуществление курса на модернизацию требует преодоления того, что китайские авторы называют «духовной слабостью», а значит, как они понимают, достижения высокой степени умственной зрелости и самостоятельности мышления, политической свободы и духовного раскрепощения. Поэтому модернизационная парадигма как способ видения перспектив страны при всем историческом оптимизме имеет у них отчетливо различимую вероятностную интонацию: «Неизвестно, что сулит нам будущее, но история строится людьми. Народ, обладающий великой историей, определенно способен создать великое будущее» [4, с. 81, 199, 234].

Литература

1. Бауман З. Текущая модерность: Взгляд из 2011 года. Лекция Зигмунта Баумана <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/>
2. Гордон А.В. Опыт аграрных преобразований в КНР // Россия и современный мир. – 2006. – № 2. – С. 83–100.
3. Карнеев А.Н. «Китайская модель» и споры по поводу ее сущности в КНР // Владивосток 2012: АТЭС и новые возможности России. – М., 2011. – С. 255–275.
4. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Пер. с англ. под ред. Н.И. Лапина. Предисл. Н.И. Лапин, Г.А. Тосуян. – М., 2011. – 256 с.
5. Сорокина Т.Н. Китайская традиционная культура и модернизация: Дискуссия в КНР // Культурные традиции и современность. – М.: ИНИОН, 1989. – С. 49–87.
6. Цивилизация и модернизация: Материалы рос.-кит. конф. 29–31 мая 2012 г. Москва / РАН. Ин-т философии; редкол.: Лапин Н.И., Хэ Чуаньци. – М., 2013. – 195 с.
7. Beck U., Grande E. Varieties of second modernity: The cosmopolitan turn in social and political theory and research // *British j. of sociology.* – L., 2010. – Vol. 61, N 3. – P. 409–443.
8. Bramoll C. The last of the romantics? Maoist economic development in retrospect // *China quart.* – L., 2006. – N 187. – P. 686–692.
9. Dirlik A. Guoxue: National Learning in the age of global modernity // *China perspectives.* – 2011 – N 1. – P. 1–14.
10. Eisenstadt S.N. Multiple modernities // *Daedalus.* – Cambridge (Mass.), 2000. – Vol. 129, N 1. – P. 1–29.
11. Han Sang-Jin, Shim Young-Hee. Redefining second modernity for East Asia // *British j. of sociology.* – L., 2010. – Vol. 61, N 3. – P. 465–488.
12. How to improve China's soft power? // *People's daily Online.* March 11, 2010. – <http://english.peopledaily.com.cn/.../6916487.html>
13. Kang Ouyang. «Chinese values» and innovation in philosophy and social sciences in present day China // *Social sciences in China.* – Beijing, 2012. – Vol. 33, N 3. – P. 171–181.
14. Li Huaiyin. From Revolution to Modernization: The paradigmatic transition in Chinese historiography in the Reform era // *History a. theory.* – Middletown, 2010. – Vol. 49, N 3. – P. 336–360.
15. Link P. China: The Anaconda in the Chandelier // *The New York review of books.* 2005. May 27. – <http://www.nybooks.com/articles/archives/2002/apr/11/china-the-anaconda-in-the-chandelier/>
16. Li Ping, Long Bailin. Thought on innovation in mainstream ideology research // *Social sciences in China.* – Beijing, 2012. – Vol. 33, N 3. – P. 171–181.
17. Makeham J. Disciplining tradition in Modern China: Two case studies // *History a. theory.* – Middletown, 2012. – Vol. 51, N 4. – P. 89–104.
18. Ren Ping. Systematic innovation, comprehensive development and going global: Some thoughts on the construction of an innovating system for philosophy a. social sciences in China during the «12th five-year plan» period // *Social sciences in China.* – Beijing, 2012. – Vol. 33, N 3. – P. 142–156.
19. Tourain A. La fin des sociétés. – P.: Seuil, 2013. – 664 p.
20. Wang Yong, Pauly L. Chinese IPE debates on (American) hegemony // *Rev. of international political economy.* – L., 2013. – Vol. 20, N 6. – P. 1165–1188.
21. Wang Zhoujun. Knowledge community, value base and system consciousness: A reflection on innovation in philosophy a. social sciences // *Social sciences in China.* – Beijing, 2012. – Vol. 33, N 3. – P. 157–170.

22. Wieviorka M. La diversité: Rapport à la Ministre de l'enseignement supérieur et de la recherche. – P.: Laffont, 2008. – 230 p.

23. Yan Yunxiang. Food safety and social risk in contemporary China // *J. of Asian studies* – Ann Arbor, 2012. – Vol. 71, N 3. – P. 705–729.

24. Zhang Juxiang, Guo Huaru. Building a Harmonious Socialist Society under the vision of Modernization. // *Asian social science*. – 2011. – Vol. 7, N 6. – ass@ccsenet.org